

Морис Ренар

РУКИ
Орлака

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Р 39

Maurice Renard
LES MAINS D'ORLAC; LUI? HISTOIRE D'UN MYSTÈRE;
LES ENQUÊTES DU COMMISSAIRE JÉRÔME

Перевод с французского Льва Самуйлова

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-25228-8

© Л. С. Самуйлов, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Руки Орлака

Введение

Название этой истории пробудит в памяти читателя множество воспоминаний, пусть даже фамилия, которая в ней фигурирует, и является вымышленной.

Если бы фамилия эта была настоящей, она бы напомнила и об артисте, некогда блеснувшем, словно падающая звезда, и о преступной афере, о которой газеты как-то робко и загадочно упомянули, а затем будто сговорились хранить весьма странное молчание.

Словно субмарина, которая плывет под водой, оставив на виду один лишь перископ, эта авантюра прошла над поверхностью столетия лишь крошечным своим кончиком, который сам по себе кажется нелепым.

Имевший счастье знать ее от начала до конца, удивленный ее необычным и в то же время реальным характером, очарованный двойственной ее природой — хотя мне и не слишком понятно, что в ней следует предпочесть: чудеса или правду, фантастику или ее объяснение, — я уступил желанию описать ее во всех деталях, пусть я и не профессиональный литератор.

Если бы я мог вручить читателю свою визитную карточку, он бы узнал, что меня зовут Гастон Бретей, живу я в Париже и работаю судебным репортером.

Вихрь этих событий подхватил меня на своем пути лишь по величайшей из случайностей, и менее чем за три минуты меня перенесло от беззаботности к изумлению: я оказался перед самым необычным трупом, какой когда-либо доводилось видеть смертному.

Эта невероятная история развивалась уже довольно давно, когда я был призван занять среди главных ее персонажей скромное место внимательного статиста, так что о том, как все началось, мне рассказала госпожа Орлак. Это обстоятельство следует отметить, так как оно объяснит, почему в первых главах главная роль отводится госпоже Орлак и как так вышло, что все повествование будто бы отражается в зеркале ее души, ума и сердца.

Вероятно, я бы избежал этого, будь рассказчиком я сам; возможно, я бы даже начал рассказ с середины, если и не с эпилога, как это делают наши самые опытные романисты, чтобы сразу же нанести решающий удар, но мне не захотелось разрушать неслыханное крещендо страха и любопытства, которое придает «Рукам Орлака» удивительный накал.

И потом, начало здесь тоже отнюдь не банальное.

Часть первая

ЗНАКИ

Глава 1

МОНЖЕРОНСКАЯ КАТАСТРОФА

Для госпожи Орлак эта история началась 16 декабря, в 23 часа 10 минут.

Именно в тот момент по вокзалу компании PLM¹ мчался служащий в белой фуражке.

Выскочив из кабинета, он неся к платформам, от которых отправлялись поезда, и кричал на бегу:

— Задержите сорок девятый!

Тогда-то дурные предчувствия госпожи Орлак и переросли в тревогу. Она сразу же поняла, что недомогание, которое она испытывала на протяжении всего дня, именно этим и было вызвано: дурными предчувствиями — ведь им свойственно открывать свою настоящую сущность лишь после того, как они улетучатся, когда факты, пришедшие им на смену, подтвердят человеку, что у него были все причины грустить, беспокоиться, нервничать.

¹ Построенный по случаю Всемирной выставки 1900 года на совместные средства казны и компании скоростных поездов PLM («Paris — Lyon — Méditerranée» — «Париж — Лион — Средиземное море»), читателю этот вокзал больше известен как парижский Лионский вокзал. — *Здесь и далее примеч. перев.*

До сих пор Розина Орлак даже не догадывалась, что ее печаль вызвана неким предвидением. Эта смутная меланхолия, необъяснимая легкая тревога, которые охватили ее еще утром, не были для нее чем-то новым. Женщине до мозга костей, блондинке и парижанке, ей порой доводилось видеть все в мрачном свете, словно мимолетная туча на время закрывала собой солнце. Почему — она не знала. Да, в общем-то, и не пыталась узнать. «Все мы такие», — говорила она себе. На следующий день, с рассветом, тучи уже не было и жизнь снова казалась ей залитой солнцем...

Но на сей раз все обстояло иначе! Совершенно иначе! Она поняла это уже потом. Тем более что радость от встречи со Стефеном должна была изгнать из этого дня всех черных бабочек!..

«Что еще за Стефен?» — спросите вы.

Да просто Стефен. Ее любимый муж. Стефен Орлак, знаменитый пианист-виртуоз.

Накануне он давал большой концерт в Ницце. Они не виделись всего двое суток, но Розина всегда отпускала его с сожалением, и дни воссоединения становились настоящими праздниками, когда ее сердце ликовало.

Вот уже добрую четверть часа она ожидала прибытия скорого поезда из Марселя.

Стоило ей выйти из авто, как она начала ловить на себе восхищенные взгляды мужчин, а некоторые из них, дабы последовать за молодой женщиной, приобрели, как и она сама, перронный билет.

Как всегда, Розина Орлак была предметом созерцания и вожделения. Двадцать три года, грациозная и изящная, с кудрями Мелизанды¹ и самым интересным лицом, какое только можно увидеть.

Даже завистницы не находили что сказать об этом лице дурного, кроме того что считали глаза слишком большими,

¹ В опере французского композитора Клода Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда» (1902) ключевым символическим образом являются роскошные длинные волосы главной героини.

а рот — слишком маленьким. Самая сварливая из них заявила, что на нем — глаза великанши и рот карлицы... Впрочем, вся эта критика была тщетной. В действительности же глаза Розины были самыми восхитительными из всех, какие когда-либо расцветали на таком ангельском лице. Они не просто были огромными, словно это дитя было создано прежде всего для созерцания, — но и, с особым очарованием, светились умом и сообразительностью, нежностью и чистотой. Однако стоило Розине обратить свой взор на окружающих, как все эти мужчины, разглядывавшие Розину при свете дуговых электрических ламп, тотчас же понимали, что им не удастся потешить свое тщеславие и придется ограничиться исключительно визуальным удовольствием.

Но поскольку в нем они себе не отказывали, то многие по той бледной тени, которая омрачила лицо госпожи Орлак, догадались, что случилось нечто плохое.

Человек в белой фуражке пробежал мимо, а скорого все не было.

Розина почувствовала, что бледнеет до самого сердца. Ее веки, внезапно отяжелев, начали опускаться. Весь мир заволокло мраком. Она покачнулась. Но никто не подскочил ее поддержать. Всех всполошили слова начальника вокзала:

— Задержите сорок девятый!

Этого человека никто не знал, но по нему было видно, что он сам не свой, да и по лицу его можно было понять, что случилось нечто ужасное.

Его уже окружили, пошли следом за ним, со всех сторон подбегали новые люди. Розина, вся дрожа, тоже присоединилась к этой группе, спрашивая, как и остальные:

— Что случилось? В чем дело?

Глядя прямо перед собой, начальник вокзала продолжал идти вперед.

Удостоверившись в том, что сорок девятый не отправился, он сказал наконец мрачным тоном:

— Второй скорый столкнулся под Монжероном со встречным...

Какая-то женщина начала медленно оседать на перрон.

— Есть жертвы? — спросил кто-то сдавленным голосом.

— Возможно...

Кто-то застонал. Начальника вокзала забросали вопросами.

Не став дожидаться, Розина направилась к выходу, пробила сквозь толпу еще не знающих ни о чем встречающих, стоящую по ту сторону барьера, и кинулась к автомобилю:

— Феликс! В Монжерон! Скорее!.. Поезд, на котором ехал мсье, потерпел крушение...

Она задыхалась.

— А где это — Монжерон? — спросил шофер.

— Вот этого я не знаю. Знаю только, что не очень далеко. Где-то на линии, разумеется. Следуйте вдоль линии PLM.

— Следуйте вдоль линии, следуйте вдоль линии... — бормотал шофер, качая головой, но запускать двигатель не спешил.

Из здания вокзала уже выбегали люди. Какой-то господин, прилично одетый, задержался у машины:

— Вы не туда едете, не в Монжерон? Я кое-кого ждал, как и вы. Дорогу я знаю, могу показать...

— О мадам, возьмите и меня тоже!

Их было человек семь или восемь.

— Садитесь, садитесь, — сказала Розина. — Но поскорее! Ох боже ты мой!

Небольшой лимузин набился битком. По улице, подзывая водителей, бегали мужчины и женщины. Автомобиль сорвался с места.

Прижатая к дверце, Розина молча слушала, как ее случайные попутчики обмениваются мнениями. От этих незнакомцев исходили самые разные запахи. На владелицу авто они уже почти не обращали внимания.

— Начальник вокзала сказал, что выслали вспомогательные поезда, которые заберут выживших.

— А он не говорил, сколько народу погибло?

— Как по мне, так уж лучше побывать там самому; если мой сын ранен...

— Фактически все мы смертны... — говорил какой-то дородный папаша. — Но ладно я... Так там моя невестка... Должна была вернуться лишь завтра... Как подумаю, что...

Кругом стояла кромешная тьма. Холод пробирал до костей. Автомобиль уже выехал из Парижа и теперь несся по прямой дороге, бросая перед собой искусственный белолунный свет фар. Сидевший рядом с водителем господин, который знал, где находится Монжерон, приподнимал воротник пальто. Пожилая женщина, тоже расположившаяся спереди, судорожно цеплялась костлявой рукой за масленку.

Машина остановилась перед указателем, а затем набрала ход. Каждый то и дело бросал взгляд на стрелку спидометра. Их организмы вырабатывали какую-то неведомую внутреннюю энергию, которая, как все втайне надеялись, могла как-то помочь двигателю и, соответственно, повысить скорость.

Однако же Розина пыталась восстановить в себе Розину, преисполненную хладнокровия. Она думала: «Быть может, он не поехал этим поездом... Быть может, поехал, но только лишь ранен... А если он ранен, это суший пустяк...»

Но, несмотря на все ее усилия, из головы у нее не шла другая мысль — мысль, которая неотступно преследовала и всех ее попутчиков.

Дородный папаша, у которого в поезде ехала невестка, зашевелился, еще сильнее вдавив Розину в дверцу, и промолвил:

— Подъезжаем.

Впереди, в рыжеватых отблесках пламени, поднимался вверх дым от полыхавшего пожара.

Катастрофа произошла не так далеко от Парижа, минутах в сорока езды от вокзала.

Кордоны оцепления еще не были выставлены, так что Розина смогла свободно подойти к железнодорожному полотну.

Вышагивая на каблуках в стиле Людовика XV¹, она то и дело оступалась в темноте, натыкаясь на камни и затвердевшие от мороза кочки, цепляясь за кусты и вырванные комья земли. Она дрожала от холода и думала, что потеряет сознание от зловещего шума катастрофы.

Даже в темноте можно было различить, что кругом царит невообразимый хаос. Уродливые формы складывались в очертания груд железа. То тут, то там тусклыми желтыми звездочками перемещались фонари. Было видно даже, как мерцают, неистово раскачиваясь на ветру, светильники в самом поезде. И повсюду бегали люди...

Огонь отражался от медных касок. В отблесках пламени, которое тушили пожарные, стояли два локомотива — вздыбленные, покореженные, вошедшие один в другой. И за криками, призывами, стонами, плачем, короткими указаниями и растерянными ответами, из которых состоял весь этот страшный адский шум, с ужасом ощущалась глубокая, как смерть, тишина.

Она завопила пронзительным, изменившимся от тревоги голосом:

— Стефен!.. Стефен!.. Стефен!..

Мимо в спешке пронесли носилки — одни, другие, третьи... Во тьме, у разбитых вагонов, суетились люди. Кто-то прокричал:

— Свет! Боже правый, нам нужен свет!

На это другой голос, сухой и властный, ответил:

— Первый из вспомогательных поездов привезет прожектор. Спокойнее, прошу вас.

Розина, обезумев, вертелась вокруг собственной оси, обращаясь ко всем, кто проходил мимо:

— Мсье, помогите, скажите... Я ищущу мужа...

Она не говорила: «Стефена Орлака, пианиста», так как слишком долго жила среди простого люда, чтобы не знать, что известное имя не всегда является таковым во всех кру-

¹ Имеются в виду каблуки, похожие на ножку рюмки.

гах и что, даже если оно таковым и окажется, не всегда следует его произносить.

Но никто ей не отвечал. Каждый, будучи занятым какой-то своей работой, исполняя насущный долг, казался бесчувственным автоматом, собранным для одной-единственной серии движений.

— Так тут даже факелов нет, что ли? — прокричал кто-то визгливым голосом.

— Пока не нашли! Сейчас разведем огонь... У нас тут по-вырывало все кабели...

Теперь, когда пожар был потушен, ночь жадно поглотила все ужасы катастрофы. Рассмотреть что-либо можно было лишь с помощью переносных фонарей. Порывшись у себя в муфте, Розина вытащила крошечный электрический фонарик. Она нажала кнопку, и безделушка выдала тоненький, изможденный луч света — вот-вот могла сесть батарейка.

Держа этот холодный «уголек» в вытянутой руке, госпожа Орлак принялась ходить вдоль обломков вагонов, где работали группы спасателей. Кружок красноватого света мало-помалу показал ей ужасающий пудинг, спекшийся из дерева, железа, плоти и всего того, что можно увидеть в кошмарном сне. В результате этого страшного столкновения поездов были исполнены невероятные трюки: вагоны выстроились в четырехэтажные здания, *dining-car*¹ встал вертикально, словно какая-нибудь дымовая труба, а два длинных вагона, врезавшись друг в друга, превратились в один-единственный.

Представить себе критический миг катастрофы, тот громовой удар, который и привел к подобному сплаву, без содрогания не получалось.

Но ужаснее всего было то, что еще одним ингредиентом этого пирога были люди: мертвые, некоторые из них виднелись то тут, то там, раздавленные, расплющенные, разрубленные на куски, порой едва различимые в сжимавшем их

¹ Вагон-ресторан (англ.).

спрессованном беспорядке, порой лежащие на земле, на которую они падали, пролетев по воздуху, словно куклы, выброшенные каким-нибудь глупым карапузом; а также живые, те, чьи стоны еще можно было услышать, те, чью агонию под инертной грудой железа еще можно было увидеть, те, что лежали невидимые где-то под обломками, не в состоянии даже пошевелиться в сковавшем их жестком футляре.

— Свет! Да когда же нам наконец дадут свет? И костры! Их разожгут или нет?

Борясь с подступающей слабостью, Розина склонялась над неузнаваемыми останками, рассматривала оторванные руки и ноги, которые выглядывали из этой кучи, словно торчащие из стены гвозди.

Внимание ее привлекла золотая пуговица на манжете, теперь походившей на грязную тряпку, обернутую вокруг бледного запястья. Переступив через чьи-то останки, она подошла ближе.

Это было не то, чего она опасалась...

— Эй, мадам! — произнес кто-то у нее за спиной. — Мне что, еще нужно следить, чтоб никто тут не лазил? Пройдемте со мной.

Какой-то страж порядка уже держал ее под локоть.

— Ох, мсье, мсье! Я ищу своего мужа... Помогите мне, умоляю!

При виде ее больших чистых глаз жандарм тотчас же понял, что совершил ошибку, и отпустил Розину. То не был обычный жандарм.

— Ступайте на станцию, — сказал он ей. — Там сейчас в один зал свозят трупы, а в другой — раненых.

Розина побежала, поддерживая спадавшую с плеч шубу.

«Кто знает? — говорила она себе. — Он ведь такой впечатлительный!.. Быть может, он и вовсе не пострадал, а просто убежал, глупенький, куда-нибудь в поле... С такими-то нервами!..»

В зале ожидания она заметила спасенных пассажиров. *(Боже мой! Она об этом даже не подумала! Какой же надо*

быть душой!) Тут было множество дам и господ — почти все без головных уборов, — которые шумно переговаривались.

Она произнесла очень громко, стараясь перекрыть этот гул: — Стефен Орлак?.. Здесь есть Стефен Орлак?..

Наступила тишина. Она повторила вопрос. Разговоры возобновились. Содрогнувшись, она подумала:

«Быть может, вернувшись, я найду телеграмму „Опоздал на поезд... выезжаю следующим... целую...“»

— А раненые? Где они? — спросила она.

— Вон там. В багажном отделении! — на ходу, даже не останавливаясь, ответил тот, к кому она обратилась.

Она вошла. То были трупы.

Лежавшие один за другим, они образовывали по периметру зала отвратительный тротуар, зловещую круговую грядку, удлинявшуюся на одну единицу всякий раз, когда два санитары разгружали свои носилки. Эти трупы были здесь, словно какой-то багаж.

Розина прошла по залу, иногда приостанавливаясь перед каким-нибудь жалким телом, лишенным всяческих характерных черт... Ах, она еще о них вспомнит, о проведенных в этом зале минутах!..

Стоявший на коленях мужчина рыдал у ног неподвижной, уже начавшей коченеть женщины; Розина узнала в нем того мсье, которому было известно, где находится Монжерон... Но по мере того, как она продвигалась, ее охватывало странное ликование!.. Конечно, тут были, увы, еще не все трупы, но вот раненые...

Раненые лежали в своего рода импровизированной просторной спальне, на матрацах. Врачи, гражданские и военные, и медсестры-волонтеры оказывали им первую помощь. В воздухе уже пахло больницей.

Розина тихонько, украдкой обошла и этот зал, но не нашла Стефена и в нем.

То было уже немалое разочарование.

Нужно было возвращаться на место крушения... Но что она могла в одиночку?

Она заметила врача с тремя нашивками, который вытирал руки, глядя с некоторым испугом в ее большие растерянные глаза.

— Мсье, — отважно сказала она, — вас не затруднит помочь мне разыскать мужа?.. Здесь его нет, а носилки, как я вижу, больше не приносят...

Обведя взглядом раненых, военврач увидел, что санитарного персонала более чем достаточно, и простодушно сказал:

— Пойдемте, мадам!

— Тот, кого мы ищем, — Стефен Орлак, мсье.

Врач бесстрастно кивнул.

Они вышли из здания вокзала.

Холод усиливался, но ночь теперь освещалась факелами, отбрасывавшими красноватые отблески. К несчастью, их зажгли лишь с одной стороны свалки, и именно с той, где Розина уже прошла.

— Другую вот-вот осветит прожектор! — сказал ей какой-то инженер.

Врач подхватил фонарь, и, обойдя бесформенную черную глыбу, в которой факелы перебирали свет и тени, они приступили к осмотру с хвоста разбившегося скорого поезда.

По соседнему пути, осмотрительно сбросив скорость почти до предела, подходил первый вспомогательный поезд.

Последние вагоны практически не пострадали. Они были вполне проходимы — и пусты. Но мрачный хаос следующих вагонов явил взорам искателей крайне обескураживающее зрелище: в них все было деформировано, вырвано, выбито, раздроблено и разодрано.

— Сюда! Сюда! — тяжело дыша, попросила Розина.

Фонарь высветил клочок клетчатой ткани.

— Похоже на его пиджак... на пóлу его пиджака...

Она потянула — появился карман. Покопавшись в кармане, обнаружила носовой платок.

— «С. О.» Его инициалы! Это он. Ох, мсье! Ох!..

Своими маленькими ручками в замшевых перчатках она вцепилась в занозистые доски и потянула столь резко, что задела фонарь, который упал и погас.

— А вот зажигалку я с собой не взял, — с сожалением произнес врач.

— Зажжете его позднее, — сказала она. — Не будем терять времени...

Клочок ткани был единственным, что указывало на наличие заваленного мусором тела. Карман Стефена выглядывал из-под груды планок и реек, которые, должно быть, осыпались с потолка вагона. Розина и ее помощник принялись откапывать погребенного.

Работали в полной темноте. Врач был весьма крепкий мужчина.

— Позвольте мне самому, — сказал он. — Думаю, так будет быстрее...

Он наклонился, уперся... Раздался треск, и, словно треск этот приводил в действие некий загадочный механизм, в тот же миг резкий, ослепительный свет, похожий на солнечный луч, озарил интерьер вагона: включился направленный на них прожектор вспомогательного поезда.

Розина попятилась.

Из-под обломков показалось неподвижное тело стоявшего на ногах человека, который не был Стефеном и вообще больше походил на привидение. Одетый в ослепительно-белый костюм, он смотрел своими трупными глазами прямо на Розину. Его ярко-рыжие волосы слегка вились, на белом мраморе его лица, словно два погасших изумруда, тускло мерцали подернутые смертью зеленые зрачки. Небольшая раздвоенная борода, приподнятые усы и брови придавали ему сходство с Мефистофелем. Он был прямой как палка. Обе его руки украшали перстни с аметистами. И руки его были раскинуты в стороны, словно он не желал, чтобы кто-либо прикасался к спутнику, которого он прикрывал.

Кто был этот спутник? На сей раз — именно Стефен.

Вдоль путей проходила прибывшая со вспомогательным поездом группа рабочих и санитаров с носилками. Розина и врач подозревали последних, и труп незнакомца тотчас же унесли. Относительно того, можно ли так же поступить со Стефеном, сначала возникли сомнения.

Он тоже каким-то чудом удержался на ногах, лишь немного осел. Правое бедро было неестественно выгнуто. Поддерживаемый под мышкой какой-то железякой, с выкрученными руками и причудливо повернутой головой, он походил на приготовившегося к перевоплощению человека-змею. Глаза его были закрыты, из многочисленных ран сочилась кровь.

— Осторожно! Потихоньку! — командовал врач подхватившими несчастное тело санитарями.

Розина, ни жива ни мертва, едва осмелилась до него дотронуться. Ошеломленная, она пребывала в полной прострации.

Стефена уложили на носилки.

— Он жив, мадам, — сказал доктор.

Усилием воли Розина взяла себя в руки.

— Что делать?.. — пробормотала она.

Залитые светом, ее огромные голубые глаза растерянно блуждали по искореженным стенам вагона.

Но вот прожектор направили в другую сторону. Доктор, сидевший на корточках в полутьме, крайне осторожно ощупывал раненого. Весь в крови с головы до ног, несчастный Стефен дышал так, как обычно храпят, — короткими поспешными выдохами, от которых у него раздувались ноздри. Обе его руки и правая нога болтались, словно плети. За левым ухом зияла страшная рана, в которой темные волосы смачивались, будто губка.

Сдвинув свое кепи на затылок, доктор нахмурил брови.

— Его следовало бы немедленно перевезти в город, — сказал он.

— У меня тут неподалеку машина.

— Слава богу! Но нужно спешить... Эй! Санитары!.. Тащите носилки! Тут человек на грани жизни и смерти!

Доктор возглавил небольшую процессию. Спотыкаясь на каждом шагу, Розина следовала за носилками...

Но внезапно она распрямилась в ужасе галлюцинации.

За носилками шла не одна она. Тот незнакомый мертвец тоже шел за ними. Она видела, как он, бесшумно пятясь, скользит между ней и ее мужем, окоченевший и с распротертыми руками, словно чтобы дать всем понять, что Стефен принадлежит ему. Вот только свою ослепительную белизну мертвец уже утратил: теперь между Стефеном и Розиной пыталась встать черная фигура.

Тряхнув головой, молодая женщина заставила себя прийти в чувство. Ускорив шаг, дрожа от неподдельного страха и рискуя войти в контакт с неведомой субстанцией, она протянула к мертвецу трепещущую руку.

Глава 2

АС ХИРУРГИИ

Ей пришлось резко остановиться, чтобы не натолкнуться на того из санитаров, который держал носилки за задние ручки.

Видение удержало прежнее расстояние — даже отошло за носилки и теперь темным призраком, очертания которого окаймляло легкое мерцание, держалось чуть дальше.

Призрак! Настоящий призрак в настоящей жизни!

Несмотря на ее отчаяние — отчаяние любящей супруги, — Розина почувствовала сожаление оттого, что не могла вернуться в зал мертвых, чтобы осведомиться о незнакомом путешественнике и узнать, что это был за странный труп, способный раздваиваться на белое и черное.

Эта молодая женщина прочла столько романов и посмотрела столько фильмов, что уже порядком пресытилась романами-фельетонами¹ и кино; на страницах книг и на экране

¹ Роман-фельетон — художественное произведение, издаваемое в периодическом печатном издании в течение определенного периода времени в нескольких номерах.

Ренар М.

Р 39 Руки Орлака : романы, рассказы / Морис Ренар ; пер. с фр. Л. Самуйлова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-25228-8

Морис Ренар — признанный мастер приключенческого и криминального романа, один из ведущих фантастов Франции на рубеже XIX–XX веков, известный также своими мистическими и псевдоготическими произведениями. В настоящее издание вошли самые знаменитые его романы — романтический детектив «Он?», психологический триллер «Руки Орлака» и цикл рассказов о комиссаре Жероме.

«Прекрасная эпоха»! Время чудес, когда связь с потусторонним миром считалась такой же надежной, как железнодорожное расписание, а бурное развитие науки и технологий сопровождалось не менее пышным расцветом мистицизма. Когда трансплантология и столочерчение казались вещами одного порядка и даже самые недалекие злоумышленники, желая замести следы, готовили свои преступления с такой изощренностью, словно полиция уже располагает всеми достижениями криминологии двадцать первого века. Однако у детективов еще не было ничего, кроме знания человеческой природы, проницательности и умения выстраивать логические цепочки. Оказывается, этого вполне достаточно, чтобы пролить свет на козни злоумышленников.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

МОРИС РЕНАР РУКИ ОРЛАКА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.09.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үйі, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ABB-34218-01-R